

И что в итоге? Ван Сюань только с виду казался тихим и робким — на деле же к нему было не подступиться. Лишних слов он не тратил: улыбнется ласково, да так, что у собеседника язык отнимается. И ведь выдавал такое, что хоть стой, хоть падай:

— Мой брат Гоудань всегда прав, что бы ни сказал.

— Мой брат Гоудань, конечно же, куда способнее вашего старшего. И бегают быстрее, и дерется лучше, и на экзаменах у него оценок побольше.

«Не то что твой — и трус, и тупица», — мысленно добавлял он.

— Мы ведь намного младше вас. Если вам не стыдно тягаться с малышами, то нам и подавно нечего стыдиться.

Говорил А-Сюань тихо, вкрадчиво, не торопясь, но от этого мягкого журчания у взрослых аж скулы сводило.

Большинство мужиков только заходились хохотом, не принимая детские препирательства всерьез. Но находились и ворчуны.

— Ишь, мал еще, а язык как бритва! — заявляли они. — Был бы моим — я бы быстро из него эту дурь выбил!

И давай расписывать во всех красках, как именно надо пороть сыновей, чтобы те старших за версту обходили да пикнуть не смели. Мол, где это видано, чтобы сопляки взрослым перечили? При этом они то и дело косились на Ли Сы, явно подзуживая его взяться за ремень.

Не будь рядом отца, эти злопамятные типы точно приложили бы к ребятам руку. Только присутствие сурового Ли Сы удерживало их от расправы. Разумеется, другие односельчане такое поведение осуждали: сам же полез к пацанам, сам от них и выхватил, а теперь от злости лопаешься и требуешь, чтобы отец родного сына выпорол! Благо разумных людей в деревне хватало — не все отличались склочным и мелочным норовом.

Впрочем, большинство мужиков Гоуданя любили — больно уж сметливым и бойким рос парень, за ним всегда было любопытно наблюдать.

Ли Сы во время этих перепалок помалкивал. Красноречием он не отличался и в споры ввязываться не любил, но от сыновей не отходил ни на шаг — мало ли, вдруг у кого-то из деревенских лопнет терпение и он решит сорвать злость на детях. А Гоудань с А-Сюанем тем временем обменялись быстрыми взглядами. Они накрепко запомнили каждого, кто криво на них посмотрел. Попадутся им когда-нибудь сыновья этих умников — пощады пусть не ждут.

Для начала их просто вышвырнут из своей компании — авторитет Гоуданя среди местной детворы был непререкаем, за ним все шли беспрекословно.

«Ишь, удумали — пользуются тем, что отец у них тихий да безответный, а сами они еще малы! Ну ничего, пускай погодят. Вот вернутся из уезда, спадет суматоха со сдачей зерна, и они покажут этим наглецам, где раки зимуют».

Гоудань злопамятностью не обделен, но А-Сюань превзошел и его. Он до единого слова расслышал призывы выпороть их с братом.

«Интересно, сколько у меня в пространственном кармане всяких порошков припрятано? — размышлял он. — Точно найдется парочка таких, от которых они горькими слезами умоются».

Настоятель храма оставил ему богатое наследство, вот только А-Сюань боялся пускать его в ход. Там лежали либо сильнейшие целебные снадобья, либо смертельные яды, а предназначение большинства готовых пилюль он до сих пор не сумел разгадать. Пока он взвешивал все за и против, один из дружелюбных мужиков прикрикнул на них, велел возвращаться домой: мол, хватит провожать, и так уже далеко ушли.

Но А-Сюань в ответ лишь звонко объявил, что они с братом тоже идут в уезд и староста их уже благословил.

Мужики так и сели. Куда такую мелкоту с собой тащить? Неизвестно еще, на сколько дней затянется поездка, где спать, чем питаться — чистой воды мучение! Да и разве отмахнешь столько верст на таких коротких ножках? В один голос все принялись на них цыкать.

— Нам няньки не нужны, сами дойдем! И еды у нас с собой навалом! — отрезал Гоудань.

Поворачивать назад ребята не собирались. Мужики продолжали недовольно ворчать. В такие поездки детей отродясь не брали: натворят в уезде делов, а отдуваться всей деревне придется — свои же, не бросишь в беде. Лишняя обуза на голову.

Кое-кто уже начал открыто высказывать недовольство:

— Ну и ну, Ли Сы! Совсем головы нет, раз на такое согласился. Стыд и срам, какой ненадежный мужик!

Но братья его ворчание пропускали мимо ушей. Они шустро юркнули к отцу и зашагали рядом, понуриив головы и делая вид, что полностью поглощены дорогой. Дагуай и Сяогуай тоже присмирели, поджали хвосты и послушно семенили следом за маленькими хозяевами. Раз уж прошли столько пути, назад их теперь никакой силой было не вернуть.

Полдень дышал нестерпимым зноем. Изнуренные, обливающиеся потом путники забились в тень придорожных вязов, жадно припадая к флягам с водой. Вот тут-то и началось настоящее испытание. Одно дело — тащиться под палящим солнцем налегке, и совсем другое — гнуть спину под тяжелыми мешками.

Дорога до уезда тянулась пыльным грунтовым трактом. Время от времени мимо со скрежетом проносились редкие легковушки или груженые под завязку ведомственные грузовики, оставляя за собой удушливые серые облака. Каждый раз, когда мимо проезжала машина, Гоудань так и подпрыгивал от восторга. Мальчишка обожал технику — чем огромнее и громогласнее был тяжеловоз, тем более величественным он ему казался.

В селениях у дороги они останавливались, чтобы набрать чистой колодезной воды. Почти у каждого в этих краях обреталась какая-никакая родня, так что зайти во двор к седьмой воде на киселе и попросить напиться труда не составляло. Заодно и новости разузнавали, переводили дух. Хозяева гостей не гнали: воды из колодца не жалко, подумаешь, лишний раз ведрами погеремишь.

За стол, конечно, никто не звал — разве что самые близкие да зажиточные родственники. Да и те, завидев за спиной гостя целую толпу односельчан, прикусывали языки. Из вежливости предложишь пообедать, так они все запасы подчистую подметут — никакого зерна не напасешься.

Помимо бригады из Сикани на дороге то и дело попадались другие обозы с зерном. Поговаривали, что некоторые деревни выступают только через день-два — и слава богу, иначе тракт окончательно забило бы людьми, воловьими упряжками и груженными телегами.

— Брат Гоудань, сколько же тут народу! Наша Сикань против этого села — сущая глушь, — восхищенно шептал А-Сюань.

Они и раньше бывали в соседних деревнях — тамошняя детвора частенько прибегала к ним играть, да и сами они хаживали в гости, дело привычное.

Но чем ближе они подходили к уездному центру, тем заметнее менялся облик местных жителей. Бедность, конечно, оставалась повсеместной, но те, кто жил у города, все же сводили концы с концами полегче таежников. Им не приходилось тратить целый день на изнурительный подъем в горы ради пачки соли или куска мыла — блага цивилизации находились под рукой, экономя и время, и силы.

Кое-кто из местных умудрялся устраиваться на подработки в городе. Семьи получали живую монету, их дома не выглядели такими ветхими, да и сами крестьяне держались бодрее. От этой едва уловимой разницы у пригородных жителей невольно просыпалась спесь.

Недаром в народе судачат: чем глубже в горы, тем беспросветнее нищета. Девки оттуда всеми силами рвутся замуж на равнину, лишь бы выжить, а горным парням суженую днем с огнем не сыскать. Вот и процветают в тех краях дикие обычаи: либо заключают обменный брак, либо пускаются во все тяжкие — занимают неподъемные суммы и покупают краденых невест у лихих людей.

Единственная в семье соломенная шляпа досталась отцу — ему тяжелее всех. Гоудань с А-Сюанем не растерялись: наломали придорожных веток, скрутили обручи и плотно заплели их

сочной листво́й. Такие самодельные венки защищали от зноя лучше любого убора. Многие безоружные перед солнцем мужики последовали их примеру, и вскоре по тракту поползли забавные зеленые холмики.

Староста, как старший обоза, зорко следил за солнцем. Ближе к полудню он скомандовал привал в густой дубраве. Там уже отдыхали люди из других бригад. В такой сутолоке расслабляться не стоило: зерно сгрузили в одну плотную кучу и выставили часовых. Мешкам на солнцепеке ничего не сделается, но бросать общественное добро без присмотра — преступление. Мужики дежурили посменно.

Местные деревни истари роднились между собой, так что на привале то и дело вспыхивали радостные возгласы — кто-то находил шурина, кто-то зятя или свата. Все чинно раскланивались, делились табаком, блюли приличия, так что обходилось без ссор.

Старосты тоже давно знали друг друга по уездным собраниям. Соседские деревни испокон веков стояли на одном тракте, и портить отношения никто не хотел. Собравшись в кружок, председатели степенно завели разговор о видах на урожай да о планах сдачи.

Гоуданю с А-Сюанем все это было в новинку, и усталость как рукой сняло. А-Сюань, может, и прикорнул бы в тенечке, но деятельный брат так и вился вокруг взрослых, ловя каждое слово. Стоило мужикам затянуть какую-нибудь байку, как Гоудань тут же совался со своими расспросами:

— А дальше-то что было?

— Ишь ты, пострел! — добродушно посмеивались мужики. — Это чей же такой любопытный под ногами крутится?

Иные хохотали и принимались травить небылицы, чтобы потешить мальчика. Гоудань согласно кивал, делая вид, что верит каждому слову. Впрочем, кто тут кого водил за нос — большой вопрос.

На машине этот путь, даже со всеми остановками, занял бы от силы часа два. Но на своих двоих, да с тяжелым грузом на плечах, да пережидая полуденный зной, они плелись до самых сумерек, добравшись к окраинам уезда только к закату.

К этому времени и люди, и скотина выбились из сил. Обоз встал лагерем на пустыре. Свалив мешки в кучу, крестьяне устроились прямо на земле. Предстояло дожидаться рассвета, когда откроются склады Управления по зерновым делам, чтобы сдать зерно на весы. Но, судя по количеству скопившихся в округе подвод, стоять в очереди им придется не один час.

Вечером к лагерю подошел патруль уездной дружины. Расспросив старосту, дружинники двинулись дальше. Мужики набрали хвороста, развели костры и принялись разогревать на углях черствые лепешки. Наевшись всухомятку, начали укладываться. Но спать мертвецким сном в незнакомом месте никто не решался: уезд — дело такое, воришек тут пруд пруди.

Пришлось распределить дежурство.

Оставалось лишь благодарить небо, что ночь выдалась сухой — под дождем они бы совсем взвыли.

Пыль дорог заметно поубавила восторгов Гоуданя перед городом.

— Шли-шли весь день по этой грязи, доползли наконец до околицы, а внутрь нас не пускают, — ворчал он. — Жди теперь утра.

А-Сюань уныло жевал пресную, жесткую лепешку. Осилить ее до конца он так и не смог, поэтому раскрошил остатки собакам. Улучив момент, когда никто не смотрел, он незаметно выудил из пространственного кармана небольшую миску, плеснул туда чистой воды и дал Дагуаю и Сяогуаю напиться.

В этот момент Гоудань ткнул его локтем под ребра. А-Сюань аж вздрогнул от неожиданности.

— Чего тебе? — шикнул он.

— Пойдем вон туда сходим, — Гоудань кивнул в сторону темнеющих уличных переулков.

А-Сюань нахмурился:

— Зачем еще? Темно уже, дядя Ли ругаться будет, если мы пропадем. Нельзя от взрослых уходить.

— Да мы рядышком, одним глазком глянем! — зашептал брат. — Я слышал, в городе вовсю горит это... электричество! Говорят, светит ярче любой керосинки, и ветром его не задуть. И никакого масла лить не надо!

— Прямо-таки и не задуть? — усомнился А-Сюань.

— Точно тебе говорю! У Паньпаня дядька в уезде бывал, сам видел и рассказывал.

— Все равно нельзя. Завтра зайдем, тогда и посмотрим. А сейчас — никуда я не пойду.

— Ну ты и голова садовая! — Гоудань укоризненно покачал головой. — Днем-то кто свет жечь станет? Мы же ничего не разглядим!

— Гоудань! Вы чего там шепчетесь? А ну спать! — донесся из темноты зычный голос Ли Сы.

Он уже натаскал сухой травы и соорудил подобие постели. В чужом месте оставлять мальчишек без присмотра он не собирался.

Делать нечего, пришлось Гоуданю умерить пыл. Они улеглись рядом с отцом, расстелили тонкое одеяло и, прижавшись друг к другу на жесткой траве, закрыли глаза. Вскоре над пустырем поплыл могучий богатырский храп — мужики засыпали один за другим, и звуки эти разносились по всей округе.

Без умывания, без мягких постелей, под открытым небом — уставшие до полусмерти люди спали без задних ног, и никому дела не было до жесткой земли. Те же, кому выпало дежурить первыми, слушали этот разноголосый храп и отчаянно боролись с дремотой, то и дело щипая себя за шею.

Они молча курили самокрутки у гаснущих костров, пуская горький дым в ночное небо. Сил на разговоры не осталось — каждый лишь безмолвно считал минуты до конца своей смены, мечтая поскорее рухнуть в пахнущую пылью траву и забыться сном.

<http://bllate.org/book/19654/1996710>